

Кроме того, разве можно не поддерживать связи с роднёй? А обмен подарками и визитами — разве это не обязательная часть жизни?

А встречи с однокурсниками и сослуживцами? Неужели всегда позволять другим угощать, а самому только есть и пить даром?

Ведь даже будучи чиновником, ты не можешь обойтись без расходов на одежду. Государство выдаёт лишь один комплект официальной мантии — в день назначения на должность. Всё остальное — твоя забота. И даже если казна не наживается на форме, лицо чиновника должно быть безупречным. Поэтому официальные мантии шились из изысканнейших тканей: императорский атлас из Сучжоу и Ханчжоу, изготовленный на специальной мануфактуре Цзяннань. Стоили они недёшево...

Сколько именно?

Простите, Вэнь Жунь не знал. Он ведь никогда не был чиновником. Но правила здесь прекрасно понимал.

Все эти расходы в совокупности делали очевидным: даже если сложить оклад и все «дополнительные доходы», денег всё равно не хватало.

В феодальную эпоху правители стремились к максимальной централизации власти, а чиновники, в свою очередь, вынуждены были «дойти» народ, чтобы свести концы с концами. От этого страдали не только простые люди, но и низшие чиновники — их жалованье едва покрывало базовые нужды. В современном мире такой доход позволил бы разве что выжить, но любые дополнительные траты сразу поставили бы в тупик.

А в древности всё было ещё хуже!

Весь этот день Вэнь Жунь с детьми выпил пять больших кувшинов кипятка, разглагольствуя без устали. Он ведь не впервые анализировал устройство древнего чиновничьего аппарата — проводил такие «лекции» уже не раз.

Он слишком хорошо знал все эти изгибы и повороты!

Даже некоторые тайные механизмы они с товарищами в прошлой жизни разобрали досконально.

Он не хотел, чтобы дети смотрели на мир наивно:

— Вы не должны верить только внешнему виду. Даже чиновник, который кажется таким блестящим и могущественным, несёт огромную ответственность. Ведь он «пасёт народ от имени Небесного Сына». Даже уездной начальник в глазах местных жителей — «родительский

чиновник» (фуму гуань), словно отец и мать для народа, кого следует почитать. Но и сам он обязан любить народ, как собственных детей. К нему обращаются с вопросами те, кто чего-то не понимает; к нему приходят за справедливостью те, кого обидели. Дети, никогда не судите о чём-то лишь по одной стороне, не верьте слухам! «Ухо слышит — молва, глаз видит — правда», — говорят люди. Но даже увиденное глазами не всегда есть истина. Всё нужно видеть сердцем.

Дети слушали, затаив дыхание.

В завершение Вэнь Жунь серьёзно сказал:

— Когда вы подрастёте, мы снова поговорим об этом. Тогда вы поймёте гораздо больше. Сейчас я могу сказать только это.

Тут в дверях появилась маленькая Ван Мэй и крикнула:

— Гэфу! Второй братец! Третий братец! Обедать!

— Уже идём! — отозвался Вэнь Жунь и махнул детям: — Пошли, моемся, урок окончен — обедать!

Дети, всё-таки ещё малыши, разом вскочили и бросились искать место, где можно вымыть руки.

Вэнь Жунь покачал головой и начал собирать учебники. Впрочем, в классе и так было идеально: все книги аккуратно сложены, столы чистые, пол — без пылинки.

Убирать было не нужно. Он знал: иногда дети тайком, за его спиной, сами подметали и приводили всё в порядок — этому их научил Чэнь Сюй. Вэнь Жунь не препятствовал — молча одобрял.

На ужин подали два блюда и суп, а в качестве основного — рис из жасминового риса.

Тушёный лотос — его прислали из семьи Чэн: выкопали в своём пруду и привезли целых две корзины.

Цыплёнок по-кантонски (байчжань цзи) — осенью подарили молодых петушков, а из них как раз и готовят это блюдо.

А на суп — бараний бульон с обильной перцовой приправой, чтобы согреться. Каждому ребёнку досталась целая миска.

В бульон добавили много имбиря — по настоянию тётушки Цуйхуа. Она боялась, что дети простудятся: погода становилась всё холоднее, ведь уже наступили «три девятки» — самые лютые морозы года.

Поскольку послезавтра был праздник Лаба (восьмой день двенадцатого месяца), Вэнь Жунь решил дать детям выходной — пусть идут домой и пьют традиционную кашу Лаба.

Но в сам день Лаба погода испортилась: снова нависли тучи, пошёл снег. Вэнь Жунь уже начал раздражаться: метель несильная, но нудная, серая, и снежная пыль сыплется без конца.

Зато кашу Лаба он всё же отведал. К ней подали чеснок, маринованный в уксусе (лаба суань), жареную ветчину с побегами чеснока, жареные листья тофу с копчёной колбасой и паровую копчёную рыбу — всё из запасов зимних деликатесов.

С утра, после каши, Вэнь Жунь специально проверил, хватит ли дров и угля до конца зимы.

Отлично — запасы огромные!

Вэнь Жунь долго разглядывал дрова и заметил: те, что оставил Ван Цзюнь, почти не тронуты.

Это, конечно, не по его приказу — скорее всего, так решили трое детей.

Кроме того, всю домашнюю птицу — кур, уток, гусей — после наступления зимы забили, как только ударили морозы и появилась возможность заморозить мясо. Ведь дети ели много, да и домочадцы тоже. Такими темпами запасов, возможно, не хватит до весны... но на Новый год точно хватит.

А к Новому году Вэнь Жунь собирался приготовить подарки — новогодние «ниангли». В прошлый раз соседи дарили ему продукты, так что эти подарки станут и ответным жестом вежливости.

Он долго думал: что бы такое подарить? Чтобы было свежо, недорого, и обязательно сделано своими руками...

Сначала он вспомнил про простые белые веера из бумаги — без росписи, без рисунков. На них он хотел написать ту пару каллиграфских строк, что висели у него в главном зале. Очень уж уместно для учёных людей:

«В горах знаний лишь труд — тропа,

В море учёбы лишь труд — челнок».

Идеально!

Он решил написать их в стиле «фэйбай» — «летающая пустота», одном из самых сложных стилей каллиграфии. Говорят, именно этот стиль особенно любил император Тан Тайцзун. А ведь автор этих строк — Хань Юй — тоже жил в эпоху Тан!

Во-вторых, он подумал купить красные шёлковые нити и попросить кого-нибудь сплести узелки «Шиши жуи» — «Всё будет удачно». На самом деле это два узелка в форме хурмы («ши» звучит как «хурма», а повтор — «шиши» — значит «всё, всё»), подвешенные вместе. Главное — хороший смысл!

А что ещё?

Вэнь Жунь ломал голову, даже во время уроков то и дело прикидывал варианты.

К пятнадцатому числу погода снова испортилась. После нескольких солнечных дней небо опять затянуло тучами. Видимо, из-за «девяти девяток» — самых лютых морозов — снова поднялся ветер и пошёл снег.

На этот раз это был уже не мелкий снежок, а настоящая, плотная метель. Снег шёл обильно, но ветер не унимался — да ещё и северный, ледяной.

Действительно холодно! Во всех комнатах северные окна завесили ватными или кожаными шторами — специально для защиты от ветра. Иначе в доме было бы невозможно находиться!

В те времена не было стеклянных окон — только бумага, наклеенная на рамы. Такую бумагу сильный ветер легко рвал. В некоторых домах деревни северные окна вообще затыкали старыми ватными одеялами: и теплее, и ветер не продует.

Сегодня, четырнадцатого числа лаюэ (двенадцатого месяца), небо так и не прояснилось.

Вэнь Жунь позволил себе поваляться в постели — из-за серого неба он встал на полчаса позже обычного. Завтрак, впрочем, не пропустил: подали клецки из клейкого риса, булочки на пару и лёгкие маринованные овощи, а также яичный пудинг на пару.

— Через несколько дней начнутся каникулы, сможете немного отдохнуть, — сказал он, глядя на двух младших братьев. Те немного подросли, набрали немного веса, но не растолстели — видимо, рост шёл ввысь.

— Да, до «малого Нового года» (Сяньнянь) как раз три дня осталось, — прикинул Ван Цзюэ и тут же задал очень щекотливый вопрос: — Гэфу, вы поедете в Вэньцзячжуан помянуть родителей?

— Я ещё думаю над этим, — ответил Вэнь Жунь. Он понимал: от этого вопроса не уйти.

На Дуаньбу, Чжунцю, Чжунъюань, Чунъян и другие праздники он не ездил в Вэньцзячжуан. Если не поедет и на Новый год — это будет уже слишком.

Но при мысли о Вэньцзячжуане у него внутри всё сжималось от отвращения.

— Надо бы съездить, — сказал Ван Цзинь. — Даже если мы бедны, на Новый год всё равно ходим на могилы родителей и дедушек с бабушками. Гэфу, в следующем году, когда перенесёте могилы сюда, будет гораздо лучше.

Вэнь Жунь задумался и кивнул:

— Пожалуй, ты прав.

Утром прошёл урок, а в обед всех угостили супом из старой утки с имбирём. От горячего супа дети вспотели, поэтому выпускать их на улицу было нельзя — пришлось сидеть в доме, пока не остынут. В итоге даже волосы помыли: чистенькие, они спокойно пошли на второй урок.

На следующий день дети не пришли — погода была ещё хуже: ветер, метель, да ещё и крупные снежные хлопья.

К полудню ветер немного стих, но, судя по всему, после обеда снова начнётся буря. Ворота дома Ван открыли, и Люй Саньэр с другими слугами расчистили узкую дорожку — чтобы можно было хоть как-то передвигаться. А уж когда снег прекратится, тогда и уберут как следует.

Сейчас как раз было время «выгула» для Ван Мэй.

Сегодня пятнадцатое, да и до «малого Нового года» рукой подать, поэтому Вэнь Жунь, следуя традиции, объявил каникулы. Все ученики разошлись по домам.

Сегодня начинались новогодние каникулы — и продлятся они до восемнадцатого числа первого месяца, когда снова начнутся занятия.

Но Вэнь Жунь сейчас был занят не отдыхом, а лихорадочно писал задания для детей. Нельзя же допустить, чтобы за праздники всё выученное просто «ушло в рисовую кашу»! От такой мысли он готов был расплакаться.

А маленькая Ван Мэй прыгала и бегала у боковой калитки. Старшие ребята специально для неё слепили несколько снеговиков и накатали огромных снежных шаров. Ещё они расчистили большую ровную площадку — чтобы девочке было где играть.

В руках у неё был очень красивый воланчик из петушиных перьев, к которому были пришиты две медных монетки — чтобы воланчик был потяжелее и лучше летел. Это был подарок от Вэнь Жуна.

Сегодня подружек рядом не было, но и в одиночку девочка отлично развлекалась: прыгала, ловко подбрасывая воланчик ногой. Разогревшись, она чувствовала приятное тепло и совсем не мёрзла.

Девочка весело скакала по площадке — здесь было просторно, можно было вволю размяться. Чэнь Сюй стоял неподалёку, грелся на солнце и приглядывал за «маленькой хозяйкой».

Весь Ляньхуаао в это время был покрыт белоснежной пеленой. Зелени почти не видно — разве что кое-где мелькала тусклая, зимняя зелень.

И в эту тишину, в эту белую пустоту, вдруг вкрались три фигуры. Они вели лошадей и крались к деревне по узкой тропинке, избегая главной дороги, прячась за деревьями и холмами.

Тот, кто шёл впереди, знал местность как свои пять пальцев — не свернул ни разу, сразу вывел товарищей прямо к Ляньхуаао.

— Старшина, ты уверен, что твой дом здесь? — недоверчиво спросили двое сопровождающих.
— Да тут же глушь какая! Сколько мы уже идём?

— Если бы не глушь, разве стали бы сюда селить беженцев? — проворчал в ответ ведущий. — Хватит болтать! Да, место глухое, но и народ тут не особо гостеприимный. Молчите, когда зайдём. Я просто хочу глянуть на брата с сестрёнкой... Не знаю уж, как они там... выживают.

Когда он уходил, то делал это с тяжёлым сердцем и без малейшего желания. А теперь, когда судьба наконец дала ему шанс проехать мимо родных мест, он воспользовался метелью как прикрытием, чтобы тайком вернуться. Хоть одним глазком взглянуть — и душа успокоится!

— Но, старшина, разве ты не старший сын в роду? Как такое вообще могло случиться? — спросил второй, помоложе, не успев даже подумать, прежде чем открыть рот.

— А что даёт быть старшим сыном? Разве я не в армии теперь? — проворчал вожак, поправляя на голове потрёпанную кожаную шляпу — один из своих трофеев. Во время карательной операции против бандитов он убил троих и получил два почти новых плаща.

Самый лучший из них — с густым мехом — вместе с такой же шляпой он подарил временному командиру своего десятка. Тот был в восторге от такой «сообразительности» и вскоре помог ему занять место ушедшего в отставку старшины. Так он и стал мелким начальником.

Зимой армия вернулась в лагерь, и возможности выйти за ворота почти не было. Но он тайком

припрятал из трофеев кувшин хорошего вина и поднёс его повару из снабженческого обоза. В обмен получил разрешение сопровождать закупочную команду. А потом ещё и три дня отпуска выпросил — «хоть глазком глянуть на родной дом».

— Лян Эр, помолчи, тебя от этого не разорвёт, — раздражённо бросил третий. — Идём за старшиной — и всё.

— Чжан Сань-гэ, просто слишком тихо вокруг... Хочется хоть что-то сказать. Мы же вышли ещё до рассвета, скакали на лошадях — вдруг ошиблись дорогой? Тогда беда.

— Не ошиблись. Старшина разве не знает, где его дом? Ты думаешь, все такие, как мы с тобой — безродные, как водяные пузыри? — Чжан Сань был старше всех троих, хотя ему и самому было всего двадцать пять. Но выглядел он так, будто ему уже пятьдесят пять: всю жизнь ходил на цыпочках, избегал сражений, в драку лез только когда победа была гарантирована, зато мастерски умел «подобрать» чужую добычу. Неизвестно, сколько денег он скопил и сколько взяток дал снабженцам, но в итоге его перевели в обозный полк — стал «конюхом-старшим», командиром над двенадцатью конюхами, отвечающими за сто боевых коней.

Раньше он был просто подсобным в конюшне, но усердно учился у старых конюхов: как ухаживать за лошадьми, чинить сбрую, принимать жеребят... Свободного времени почти не было.

Благодаря своему мастерству с лошадьми Чжан Сань прошёл путь от пятнадцатилетнего новобранца до двадцатипятилетнего «конюха-старшего» — и всё это время ни разу не заболел, не получил ранения.

Теперь он спокойно служил в конюшне и, если ничего не изменится, собирался там и состариться.

Если бы не поездка с закупочной командой, он бы никогда не встретил этого старшину и не попал бы с ним в одну историю. А ведь старшина однажды спас ему жизнь! Без этого долга он не смог бы спокойно уйти на покой.

Старшина снова поправил шляпу:

— Ладно, Лян Эр не со зла. Меня подставили — вот я и оказался в армии. Кто же добровольно пойдёт в солдаты, если не хочешь умереть молодым? У меня же и дом есть, и земля, и младшие брат с сестрой такие маленькие...

На самом деле, и сам он был ещё совсем юн — если считать по возрасту, после Нового года ему исполнится всего двадцать один.

Вспомнив, как его загнали в армию, он стиснул зубы от злости, но ничего поделать не мог. Его

имя, фамилия и адрес — всё известно. «Монах может сбежать, а храм — нет». Если бы можно было убежать — он бы давно исчез без следа!

Авторские комментарии:

Вот и появился наш главный герой-мужчина («сюйгун»)!

Добро пожаловать! Буду рада вашим рекомендациям, добавлениям в избранное, донатам и развёрнутым отзывам!

<http://bllate.org/book/15642/1398070>